

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

Экран и сцена —
1997 — 27 февр. —
6 марта — 9/6

— Эдуард Евгеньевич, вы хотите сказать, что вы вне политики?

— Видишь ли, вне политики, как ты сама понимаешь, быть нельзя, ибо даже подобное утверждение — это тоже политика. И потом, как можно жить сейчас, если ты не слепой, не глухой, не лишен прочих органов чувств, и оставаться равнодушным к тому, что происходит. Конечно, я гражданин своей страны, стараюсь выполнять свой долг. В конце концов, как я могу выходить на сцену в роли Царя Федора, например, не имея своей гражданской позиции. Другое дело — бегать по улицам со знаменами или нескончаемо дискутировать на политические темы. Мне бы этого не хотелось. Я считаю, что политизация нашего общества и так чрезмерна.

— Похоже, вы не в восторге от того, что сейчас происходит.

— Как тебе сказать. Я ведь родился не вчера. Я вырос и состоялся в другое время, даже в другую эпоху. Безоговорочно принимать эту свалившуюся на нас в одночасье новую жизнь я не могу. Хотя кое с чем я, безусловно, согласен. Например, хорошо, если мы все будем богатыми.

— Да уж, неплохо.

— Но только действительно — все.

— А вы не знаете, как это устроить?

— Может, и знаю, но меня не спрашивают.

— А если бы спросили?

— Понимаешь, когда я задумываю свой спектакль, я много думаю и очень хорошо вижу, каким он должен быть в конечном итоге. Более того, я решаю, как к этому итогу прийти. Потом беру на себя, грубо говоря, роль вожака и веду свою стаю к цели, четко зная путь и способы преодоления возможных препятствий на этом пути.

— Ну?

— Что ну? Хорошо бы и те, кто ведет нас к очередному светлому будущему, хотя бы в общих чертах представляли, какое оно из себя, а главное, продумывали заранее маршрут. А то ведь опять, как у Островского. Нас куда-то ведут, мы куда-то идем, но куда — не знают ни те, кто ведет, ни те, кого ведут. Это из "На всякого мудреца довольно простоты". Как видишь, Александр Николаевич чрезвычайно злободневен. То ли потому, что гений, то ли потому, что жизнь в России из столетия в столетие, по сути, особых изменений не претерпевает. Времена меняются, а мы не меняемся вместе с ними.

— Тогда давайте озаглавим нашу беседу простенько и со вкусом — "О времени и о себе".

— О времени и о себе. Ну что ж, это интересно и, я бы сказал, актуально, поскольку мне только что исполнилось 60 лет.

— И как вы себя чувствуете?

— А знаешь, довольно забавно. Вот тут на днях отыграли "Дядюшкин сон". Публика очень хорошо принимала. И вот стою я на поклонях и вдруг ловлю себя на том, что смотрю на молодого артиста Бунакова и произношу торжественно и очень красиво: "Нам время тлеть, а вам — цвести". С ума сойти, правда?

— То есть, у вас появилась склонность к философии?

— Ну, философией я давно интересуюсь, а сейчас это стало как бы более органичным. А вообще, если коротко охарактеризовать это состояние, то, помимо склонности к философии, появляется еще и склонность к устному счету.

— ?

— Да, считать начинаешь. Сколько еще осталось? Сколько вообще тебе отпущено?

— Не рано ли?

— А ты послушай. "День каждый, каждую минуту готов я душой провожать, грядущей смерти гонимца меж их стараюсь угадать". Это Пушкин написал лет в тридцать пять. А ты говоришь — рано. Тут, как бы не опоздать.

— Возраст — тема щекотливая, особенно в разговоре с актером. Актер, он, конечно, прежде всего ребенок, но он еще и...

— Ребенок, ребенок! Самое ценное в артисте — это чистота, непосредственность и незащищенность ребенка.

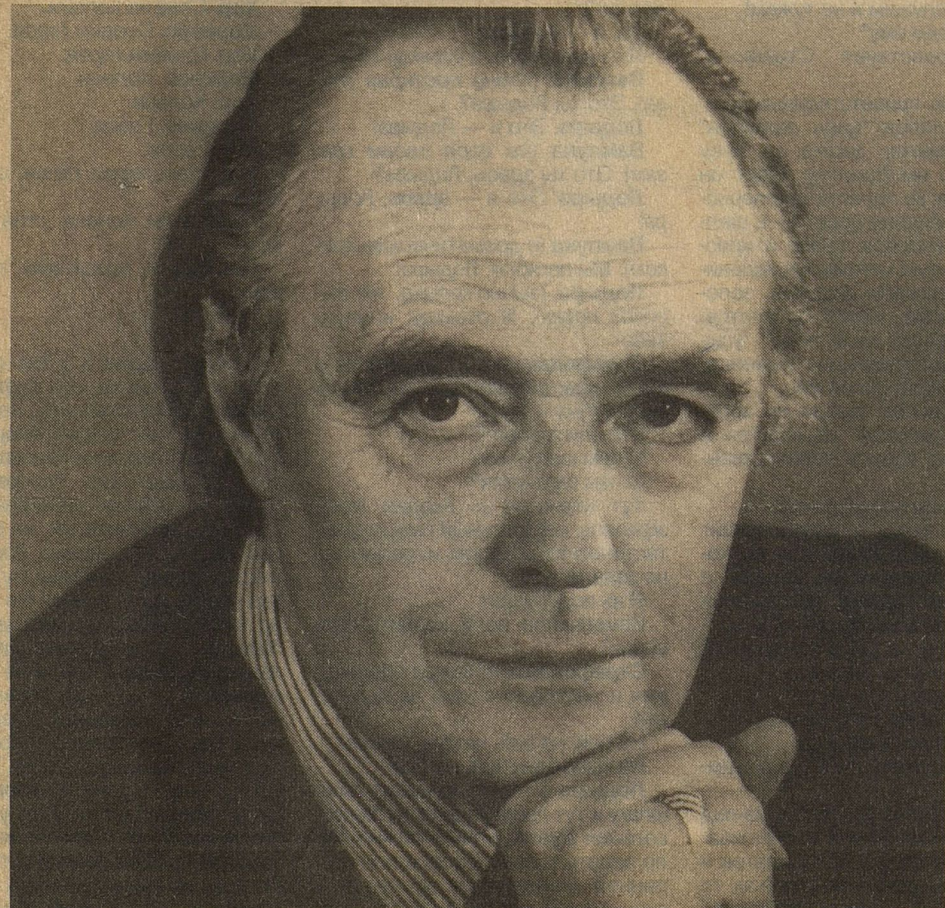
— Так ли уж нужна артисту незащищенность?

— А как же! Ведь он выходит на сцену голый. Более того, с него должна быть снята кожа. Да, да! Это, как музыкальный инструмент. Ведь нельзя же играть на зачехленном рояле или на скрипке, не вынутой из футляра. Артист — он сам себе инструмент и, если его не обнажить, чтобы струны, клеточки все звучали и отзывались, то ничего не произойдет. Вот что я называю незащищенностью. Мой учитель Константин Алексеевич Зубов говорил: "Выход артиста — это прыжок в нечто". Это "нечто" не примет в себя по-иному. Артист — это ребенок. Пусть ему хоть 60, хоть 90. Я вот вспоминаю Игоря Владимировича Ильинского, когда он в роли Фирса на гастролях в Ленинграде бежал прямо в оркестровую яму, и весь зал кричал ему: "Остановитесь!!!". А он не видел этой ямы, потому что

Профессиональная карьера этого артиста началась с обращенного на него задумчивого взгляда Охлопкова и последовавшего за ним вопроса: "Молодой человек, хотите играть у меня Гамлета?" "Хочу", — почему-то сразу ответил молодой человек, выпускник Щепкинского училища, уже знавший, что его берут в Малый театр и незадолго до этого отказавшийся от приглашения в труппу "Современника". Роль Гамлета стала его первой ролью. Провинциальный юноша с внешностью заморского королевича (по тем временам чаще оказывались востребованными Иванушки-дураки) завоевал Москву, страну, а затем, снявшись в звездном фильме Калатозова "Красная палатка", — весь мир.

С народным артистом России Эдуардом Марцевичем мы встретились в Малом театре, куда он впоследствии все же пришел работать. И наш разговор начался с его категорического заявления: "О политике — ни слова! Не хочу, не хочу и не буду". Но о политике мы все же поговорили.

Эдуард Марцевич: "Прыжок в нечто"

играл и верил, как ребенок, а не потому, что у него было плохое зрение. Иначе он, как раз бы наоборот, двигался осторожно. Нет, он играл и потому не помнил о том, что плохо видит.

— Но актер — это еще и женщина. Нет, нет, не пугайтесь, я не то имею в виду. Просто, с моей точки зрения, он в силу своей профессии, так же, как женщина, слишком часто смотрит в зеркало в прямом и переносном смысле, так же зависим от чужого взгляда, так же раним и так же, кстати, болезненно относимся к своему возрасту.

— Ну что ж, пожалуй, пожалуй...

— Поэтому я очень аккуратно задаю следующий вопрос. Я помню время вашей безумной популярности, ослепительной красоты, триумфальной охоты за вами ваших картин по экранам. И вот уход молодости, как-то трагически совпадает с... ну, скажем, пока только с клинической смертью отечественного кинематографа. Вас сейчас скорее помнят, чем знают. Я говорю о широкой массе зрителей, исключая театральное. Не кажется ли вам это несправедливым?

— Я действительно сейчас снимаюсь мало, да если бы и много снимался, кто это увидит. Пока мне все время предлагают сыграть то гангстера, то мафиози. Скучно. Мне это неинтересно. Ну, что греха таить, иной раз деньги в доме кончаются — снимаешься. Что же касается популярности? Мы уже с тобой коснулись особенностей возраста. Мне это уже не столь необходимо. Душа и голова заняты куда более важными и интересными вещами. Я живу очень замкнуто. По формуле, которую сам для себя создал, — "Театр, дом, храм". Очень много отдаю театру и получаю от этого огромное удовольствие и необходимую энергию. Я играю, достаточно много играю. И уже, в какой-то степени могу себе позволить выбирать, что играть. И кроме всего прочего, я ведь и ставлю. Ты меня застала, кстати, в очень удачный момент. У меня сейчас особое состояние духа — начинаю рабо-

тать над "Воскресением" Толстого.

— Актеры очень часто приходят в режиссуру. Иной раз по весьма незатейливой схеме — играл, играл и подумал, дай-ка чего-нибудь поставлю, дело вроде нехитрое. У вас, по-моему, это произошло не совсем так?

— Совсем не так. Я человек серьезный и закончил высшие режиссерские курсы. Причем прошел великолепную школу у Йозаса Мильтиниса. Так что мое занятие режиссурой — не из разряда художественной самодеятельности.

— А как пришла эта мысль — заняться режиссурой?

— В какой-то момент у меня возникло желание попытаться создать на сцене целый мир. Не отдельный образ, который тоже, конечно, своего рода вселенная, а множество. Множество, причем во взаимодействии, в движении, чтобы они, как маленькие планетки, каждая, в свою очередь со своими спутниками, сталкивались, взрывались, умирали или, наоборот, рождались, как сверхновые звезды. В рамках актерской профессии это невозможно. И потом, был у меня в жизни период, когда я подумал, что как актер я кончился.

— Ну, это вы, по-моему, сильно ошиблись.

— Да, ошибся, скорее всего. Но, как говорится, худа без добра не бывает. Я учился у замечательного мастера. Вообще, что такое Мильтинис и его метод — это отдельный разговор. Мне очень повезло. Мне вообще в жизни везло на учителей. Я ведь помню Пашенную, Царева, Жарова, Зубова, Ильинского, Охлопкова, Доронина, Равенских. У них у всех было чему поучиться.

— Поговорим о везенье. Вам ведь везло не только на учителей. Вам просто везло. Взять хотя бы вашу первую роль и то, как вы ее впервые сыграли. Ведь легенды ходят.

— Да, легенды ходят. Недавно прочитал в какой-то газете байку о том, как я вроде бы гулял, гулял, и вдруг Гамлета сыграл. Ну, приблизительно, как в святочных рассказах или в плохом кино.

Чувствую это, конечно. То есть, элемент чуда в этой истории, наверное, был, но не до такой же степени. Я репетировал и не сам с собой, а, как положено, в нормальном театре. Другое дело — я был не совсем готов, когда внезапно заболел Евгений Валерьевич Самойлов. Мне позвонили и сказали: "Прими теплый душ и приходи в театр". Я сразу понял, что мне придется сыграть Гамлета. Я пришел в театр и был почему-то абсолютно спокоен. Вокруг все волновались, кроме меня. Я понимал, что надо совершить поступок. А вот на следующий день, когда я пришел в больницу к Евгению Валерьевичу, то я там у него в палате даже вешалку сшиб, руки-ноги ходуном ходили от волнения. Он был моим кумиром, еще с детства. Я же тебе говорил, мне везло на замечательных артистов, с которыми меня сталкивала судьба. Я ведь еще и с Лоуренсом Оливье потом встречался.

— С самым шекспировским актером мира?

— Представь себе. Он был в Москве с "Отелло". И вот, на приеме в английском посольстве меня с ним познакомили, и я осмелился пригласить его на "Гамлета". В ответ он показал мне свои роскошные тренированные мускулы, а надо сказать, он был действительно атлетом и потрясающе выглядел в свои 58 лет, и сказал, что он сам еще может играть Гамлета. Я страшно смутился и убежал. Меня догнали и вернули к нему, и мы с ним полчаса разговаривали о Гамлете.

— По крайней мере с одной звездой мирового класса вы уже были знакомы, прежде чем стали сниматься у Калатозова в такой мощной команде.

— Да. Клаудиа Кардинале, Шон Коннори, Питер Финч, Харди Крюгер, Марио Адорф, Луиджи Вануки. Да и с нашей стороны тоже актеры не слабые — Юрий Соломин, Донатас Банионис, Никита Михалков. Между прочим, меня пригласили в эту картину на роль летчика Чухновского, которого потом играл Михалков, а когда меня увидел Калатозов, то после небольшого раздумья сказал, что предлагает роль Мальгрема без проб. Кроме меня, действительно, на эту роль никто не пробовался. Я в то время репетировал в театре Эдипа, пришел в группу после репетиции, наверное, у меня во взгляде было что-то такое трагическое.

Сейчас опять скажешь — повезло?

— Скажу.

— Понимаешь, повезло-то, конечно, повезло. Но вот у нас был в Малом театре один молодой артист. Дали ему Хлестакова. Хлестакова! Об этом многие и мечтать-то боялись. А он срежиссировал и не сыграл! Так что, везенье, везеньем...

— А как вы себя чувствовали на съемках в такой крутой компании?

— Поначалу очень напряженно. Из-за патриотизма. Мне даже после первого съемочного дня Питер Финч сказал: "Молодой человек, если вы так будете стараться играть все время, то мы все окажемся в дерьме". Шутит, разумеется. Потом он мне рассказал, что точно такую же фразу ему самому в свое время сказал Дуглас Фербенкс, когда он, совершенно неизвестный молодой артист из Австралии, оказался с мэтром в одной картине. А я, кстати, недавно эти же слова произнес одному нашему молоденькому артисту. Так что получилось что-то вроде международной эстафеты. Вообще "Красная палатка" была моей четвертой картиной, но только после нее я стал сниматься спокойно.

— Вы довольны жизнью?

— Я по натуре своей сангвиник, поэтому меня как бы кидает — то летаю под облаками, то падаю. Но, вообще-то, на круг, доволен, наверное.

— В вашем спектакле "Не было ни гроша, да вдруг алтын", в финале в небе над крошечным московским двориком, над головами героев возникает лик Богородицы. Почему?

— А я верю в то, что Россия находится под ее оберегающим Покровом. Я верю в это, хотя бы потому, что мы, несмотря на бесчисленные беды и напасти, всегда выживаем. И потом, я считаю, что Россия — это не страна, а судьба, и родиться в ней есть великое счастье.

— И это, несмотря на то, что в ней сейчас происходит?

— Именно.

— И когда вы сталкиваетесь с трудностями нашей сегодняшней жизни, а я думаю, их у вас не меньше, чем у других, то все равно считаете, что нет больше счастья, чем родиться в этой стране?

— Я уже сказал — это судьба. Я ощущаю себя частью России, ну, как травинка, как часть природы. Как я могу думать иначе? Разве что, поменьше бы всех этих стычек, конфронтаций, публичных драк. Иной раз думаю буквально по тексту Алексея Толстого, как Федор: "Когда ж я доживу, что вместе все одной Руси лишь будут сторонники". Вот мне этого очень хочется.

— Царь Федор не дожил.

— Может, и мы не доживем. А жить надо.

Беседовала Ирина КМИТ